А.С.Елеонская

"Плач Адама" в творчестве русских писателей ХУП в.

Сюжет о покаянии изгнанных из рая Адама и Евы приобрел на Руси большую популярность, благодаря канону Иосифа Студита, включенному в церковную службу на неделю сыропустную[1]. Сама эта служба являлась частью "Триоди постной", переведенной с греческого в XI в.[2] и содержавшей песнопения на период между масленицей и пасхой.

Текст представляет собой лирический монолог первого грешника, перемежаемый авторскими комментариями о душевном состоянии Адама, его поступках, окружающей обстановке, а также диалогами с другими библейскими персонажами. На протяжении службы плач несколько раз повторяется, однако воспроизводится не буквально, а развивается и обогащается новыми деталями. Каждый из этих повторов приурочен к определенному моменту богослужения[3], представляющего собой яркое драматургическое действо.

Служба начинается авторским размышлением о горькой судьбе

---

[1] Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.;Л., 1947. С. 159; Жданов И.Н. Лекции по русской литературе. Духовные стихи. СПб., 1893. С. 51.

[2] Сапунов Б.В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI-XШ веков // ТОДРЛ. Т. XI. М.;Л., 1955. С. 323; Мошин В. О периодизации русско=южнославянских литературных связей X-ХУ вв. // Русская литература XI-ХУП веков среди славянских литератур. ТОДРЛ. Т. XIX. М.;Л., 1963. С. 52.

[3] Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 104.

человека, поставленного вначале "начальником" над всем живущим, а затем изгнанного за непослушание из рая. Это размышление незаметно переходит в плач главного персонажа, умоляющего зиждителя простить его и снова призвать к себе. Покаянный текст очень многопланов. Это и признание Адамом собственной вины: "Твое божественное преслушав господи"; и негодование на "сатану льстивого", заманившего "снедию" в свои сети; и страх перед грядущими испытаниями, - их символом выступают "волчец" и "терние" на бесплодной земле, которую должен обрабатывать теперь Адам "ради хлеба насущного"[4].

Центральное место в монологе занимает воспоминание о рае. С помощью эмоциональных эпитетов подчеркивается, с одной стороны, неземная красота вертограда, с другой же - раскрывается внутренний мир погруженного в грезы Адама: "Раю всечестный, краснейшая доброта, богозданное селение, веселие неоскудное и наслаждение, славо праведным, пророком красота и святым жилище. Шумом листвий твоих содетеля и бога моли двери отверсти мне, иже преступлением затворив" (л. 80).

Драматизм происходящего усилен изображением скорбной фигуры Адама, который сидит "прямо рая, ... рыдая и плакашися". Однако затем настроение меняется. Очнувшись от воспоминаний, Адам начинает размышлять о предстоящей жизни. Плач об утраченном постепенно переходит в мольбу к богу о прощении и помощи (л. 80).

Следующий повтор звучит на литии (часть всенощного бдения, совершавшегося обычно при общественных бедствиях или воспоминаниях о них). Он начинается тревожным пейзажем, на фоне которого

---

[4] Триодь постная. Вильно, 1609. Л. 79 об. (Далее ссылки на листы приводятся в тексте).

происходит изгнание Адама: "Солнце луча сокры и луна со звездами в кровь преложися, горы ужасошася, и холми вострепеташа, егда рай затворися" (л. 80). И здесь внимание привлечено к внешним деталям, через которые раскрывается волнение Адама, его душевное потрясение: он исходит из рая "бия лице", рыдает "умиленным гласом".

В плаче по раю, к которому Адам снова обращается как к живому существу ("Раю святейший, ... моли иже тебе сотворшаго и мене создавшаго, яко да твоих цветец насыщуся"), звучит новый мотив - о мере вины каждого из участников содеянного. Главной виновницей того, что рай был "затворен", названа Ева. Свою же вину Адам считает вторичной: "Едину преступи заповедь владыце и благих всех лишися". Данную оценку как бы подтверждает завершающая реплика Спаса, введенного в повествование: "Мое создание не хощу погубити, - говорит он об Адаме. - Но хощу спасти его и в разум истинный приити, яко грядущаго ко мне не изжену вон" (л. 80 об.).

Эти мотивы звучат и в последующих повторах текста, обогащаясь новыми красками, усиливаясь эмоционально. Например, дополнительные штрихи появляются при описании рая: он "всечестный" и "блаженный", пронизанный "пресладкой и божественной светлостью", исполненный "цветец" и "листов". Вместе с тем рай и "пищная красота".

В динамике дана психологическая характеристика Адама. Крайнюю степень его отчаяния передают горестные возгласы-причитания, пронизывающие повествование от начала и до конца: "Увы мне, что пострадах окаянный аз" (л. 80 об.); "Изгнан бых, увы мне, от лица жизненаго, от лика аггельскаго"; "О увы, страстная моя душе" (л. 82); "Увы мне, како прельстихся" (л. 82 об.); "Студными оде-

ян одеждами, увы мне, вместо одеяния светозарна" (л. 87) и т.д.

Драматизму способствуют сквозные упоминания о плаче и рыданиях, отличающиеся лексическим разнообразием. Так, если в одном случае Адам "рыдаше, плачася умиленным гласом" (л. 80 об.), то в другом его рыдание подобно стону: "рыдая, стеню и плачуся" (л. 87 об.). Плач может звучать и как призыв к сочувствию: "Мене рыдайте, аггельские чинове" (л. 82 об.), и как крик о помощи: Адам "рыданием зовяше" (л. 88).

Эмоциональность глагола "рыдать" усиливается его соседством с близкими к нему по смыслу словами: "вопию ти, боже" (л. 87); "потщуся паки слезами восприяти, яже погубих" (л. 87 об.); "воздохнув велми и глаголаше" (л. 83 об.).

В ряде случаев названный глагол приобретает обобщающий смысл, поскольку адресован он не только Адаму, но и присутствующим на богослужении прихожанам, которым надлежит жить "рыдающе и постящеся и смиряющеся" (л. 85 об.), "да не вне рая рыдаем, якоже он" (л. 82).

К ним обращено и заключительное песнопение, предупреждающее, что после "сластей" (в виду имеется масленица) наступило время покаяния и душевного очищения, которое несет с собой предстоящий пост.

О том, что служба не прошла мимо внимания слушателей, свидетельствует последующая судьба текста. Например, в "Молении Даниила Заточника" звучит отголосок сетований Адама с характерной для них лексикой: "... да не восплачюся рыдая аки Адам рая"[5]. Довольно точная цитата из богослужебного текста приводится в "Послании архиепископа новогородского Василия к владыце тверскому Феодору" (XV в.): "И он же... изгнан бысть из рая, и плачася горко въпия: "О, раю святый! И еже еси мене ради насажений

[5] Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худ.лит., 1980. С. 390.

Евгы ради затвореный! Помоли тебе сотворшаго и мене създавшаго, да некли твоих цветець насыщуся!" Тем к нему Спас глаголя: "Моего създания не хощу погубити, но хощу спасти в разум истины привести"[6].

Плач Адама о потерянном рае вошел в Полную Палею хронографическую, из которой был заимствован апокрифической повестью "Слово о Адаме и Евзе" (во второй редакции)[7]. Например, близкий пересказ церковной службы имеется в списке ХУ-ХУI вв. (Румянцевский музей. № 358, л. 183-192): "Раю мой, раю, пресветлый раю, красота неизреченная, мене ради сотворен еси, а Евги ради затворен еси; милостиве помилуй мя падшаго... (Адам) седе прямо раю и плакашеся по райском житии. И приде нощь и быст тма и въскрича Адам глаголя: горе мне преступившему божию заповедь, изгнану из светлаго райскаго житья, пресветлаго немерчающаго света. О свет мой пресветлый - плачася и рыдая глаголаше, - уже не узрю сияния твоего и немерчающаго света ни красоты райскиа не вижю; Господи помилуй мя падшаго"[8].

Плачущий Адам изображается и в других вариантах апокрифического сказания, например, в списке ХУI в. (сами стенания здесь не приведены): "И седохом пред дверми райскими, Адам приник к

---

[6] Памятники литературы Древней Руси. ХУI-середина ХУ века. М.: Худ. лит., 1981. С. 42.

[7] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIУ-ХУI в. Часть I. А-К. Отв. ред. Д.С.Лихачев. Л., 1988. С. 48 (Раздел написан М.Д.Каган).

[8] Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н.Пыпиным. Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г.Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. СПб., 1862. С. 2.

земли плачас... и рыдаща и пребыхом седмь дний не ядуще ничтоже" (Из Измарагда Троице-Сергиевой Лавры)[9].

Большую роль в популяризации сюжета о покаянии первого грешника сыграл духовный стих, созданный на основе указанного богослужебного текста и распространявшийся как в устной, так и письменной традиции. Наиболее ранний из дошедших до нас списков датируется 1473 годом (Кирилло-Белозерский сборник; ГПБ, КБ, № 9/1086)[10]. Это выжимка из текста "Постной Триоди", образовавшая краткую редакцию "Плача Адама". Она наиболее близка к икосу утрени сыропустной недели. Несмотря на смысловые и фразеологические совпадения с источником, духовный стих - самостоятельное произведение со своей ритмической организацией, предназначенное для пения, о чем свидетельствуют нотные крюковые записи XVI-XVIIвв., а в ряде случаев "наонная", хомовая" манера исполнения[11]. То, что стих пелся, подтверждает и заметка в Кириллово-Белозерском сборнике: монахи пели его "за пивом". Исполнялся он и в Троице-Сергиевом монастыре[12].

Отзвуки устного бытования "Плача Адама", отмечает В.П.Адрианова-Перетц, имеются в Четьих-Минеях митрополита Макария за ав-

---

[9] Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. I. С. II.

[10] Симони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV-XVIII столетий. Вып. 3. Пгр., 1922. С. 12-13.

[11] Сергеев В.Н. Духовный стих "Плач Адама" на иконе // Древнерусская литература и русская культура XVIII-XX вв. / ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 283.

[12] Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России. Т. I. Вып. I. М.;Л., 1928. С. 260.

густ, а также в упомянутом апокрифическом сказании об Адаме и Еве, где при характеристике рая, как и в народном стихе, использовано слово "сотворен", а не "насажден" церковного текста (точный перевод с греческого). Форма "сотворен" появилась, видимо, по созвучию с последующим "затворен" и была более удобной для устного исполнения[13].

Краткая редакция зафиксирована в 11 дошедших до нас списках ХУ–середины ХУП в. В конце ХУП в. появляется распространенная редакция[14]. О популярности духовного стиха свидетельствует его отражение в изобразительном искусстве[15].

Чтобы показать отличие "Плача" от церковного песнопения, приводим текст краткой редакции по списку ХУ в.:

Плакася Адам
перед раемо седя:
"Раю мой, раю,
прекрасный мой раю!
Мене бо ради
сотворен еси,
а Евгы ради
затворено бысте.
Ужь яз не вижю

---

[13] Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля... С. I6I.

[14] Савельева О.А. Структурные особенности краткой и пространной редакций "Плача Адама" // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России / Археография и источниковедение в Сибири. Новосибирск, 1984. С. I53.

[15] Сергеев В.Н. Указ. соч. С. 280-286.

райския пища,
ужь яз не слышю
гласа архангельского.
Увы мне грешному
и безаконеному!
Господи, господи,
не отоверзи
мене погибошааго[16].

Образы Адама и Евы привлекали и писателей ХУП в., которые обращались к ним в связи с разными литературными и публицистическими задачами, используя при этом все богатство сюжетных перипетий, раскрывающих историю жизни первых людей. Например, Иван Тимофеев привлекает рассказ о грехопадении для обличения неправедных царей. Пока они, как вначале Адам, "держахуся повелений, даных богом", им до самой смерти были "самопослушни" подданные ("елико по писанию быти достоит ко своим владыкам рабом"). Когда же "предержатели наши" преклонили, подобно Еве, свой слух к "ложным шепотным глаголам" и стали заменять древние законы и добрые обычаи "новосопротивными", в рабах оскудел "естественный страх" и они перестали покоряться владыкам. Именно так поступили с грешным Адамом и некогда послушные ему "птицы, зверие же и гади"[17].

Драматическая история возвышения и падения Адама, с блеском изложенная буквально в нескольких стихах "Повести о Горе и

---

[16] Симони П. Указ. соч. С. I2-I3.

[17] Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и коммент. О.А.Державиной. Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.; Л., I95I. С.I09-II0.

Злочастии", является и прологом к рассказу о жизненных бедствиях неудачника, и философским размышлением о судьбах злого, непокорливого племени человеческого вообще.

Воспоминание об Адаме, из-за дерева потерявшего райское блаженство, усиливает сатирическую характеристику льстивой и коварной лисицы в "Повести о куре и лисице":

Чадо мое, куре любезное и доброгласное, возлюбил еси ты
древо сие прекрасное.
Воспомяни ты первого на земли человека Адама, древа (ради)
из раю изгнанна.
Сниди с него скоро, тут бо орлы прилетают, да они абие ти
растерзают[18].

К судьбе Адама обращается в полемических сочинениях Аввакум. Например, используя в качестве источника преимущественно апокриф, он вспоминает рассказ о крестном древе, выросшем, по преданию, из главы Адама[19]. Из апокрифа заимствует писатель сюжет о схождении Христа во ад, откуда тот "изведе... Адама со Еввою" (стлб. 341). Апокрифом навеяна характеристика змеи - "лучшего зверя" ("ноги у нее были и крылье", стлб. 670).

Что касается "Триоди Постной", которая была, разумеется, известна Аввакуму и как священнослужителю и как писателю (ссылки на нее встречаются в сочинениях), то она ему близка идеей о необходимости очистить душу "постом и молитвой, любовию и милосты-

---

[18] Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.;Л., 1937. С. 207.

[19] Памятники истории старообрядчества XVII в. Книга I. Вып. 1 / РИБ. Т. 39. Л., 1927. Стлб. 226. Ссылки на столбцы приводятся далее в тексте статьи.

ней" от "сластей" (стлб. 667). Адаму резко противопоставлен обобщенный образ праведника, который "старое брашно, Адамово сластолюбие, отревает от себя и питается слезами и постом" (стлб. 440).

Примечательно, что тема Адама лишена у Аввакума всякого лиризма, столь характерного и для богослужебного текста на неделю сыропустную, и для духовного стиха. Она трактуется сугубо обличительными средствами. Адам "связан был у сатаны за один обед" (стлб. 552). Он "грехолюбно и слабоумно заповедь Божию преступил, да дьявола послушал" (стлб. 674).

Адам и Ева уподоблены писателем "хмельным шпыням", потерявшим человеческий облик (стлб. 67I), а также "окаянным прелюбодеям": "сблудя с чюжею, или блудница с чюжим, рубаху белую воздевает, к церкве пришед, молитвы у попа просит, бутто и всегда доброй человек-праведник" (стлб. 54I). Ни капли сочувствия, а лишь злорадство вызывают у Аввакума жалобы Адама на Еву: "Что, Адам, на Евву переводиш? А сам от дьявола и прежде поущение слышал... коварством хощет грех загладить, да на людей переводит" (стлб. 672).

Обличительную функцию выполняет и динамичная картина природы, на фоне которой происходит изгнание грешников: "Адам же, егда изгнан бысть, вся тварь вознегодовала на преступника: солнце сожещи ево хотело; луна и звезды примрачилися; небо простеръто не восхотело стояти; земля хощет побежать в воду; море ис предел выступить тщится и потопить законопреступных; садовие плодовитое увядают; трава и крины красные засыхают; зверие, и скоти, и птицы небесныя преступника растерзати ищут" (стлб. 674) Этот бурный пейзаж вырастает из краткой реплики в "Триоди постной", приведенной выше (л. 80). Обогатить это описание новыми

красками помогает Аввакуму апокриф: "Бытия паки" – указывает он здесь на источник, имея в виду "Палею".

Непосредственно к тексту "Плача об Адаме" обратились три писателя XVII в. – Кирилл Транквиллион в "Евангелии учительном", безымянный автор "Статира" и создатель "Жалобной комедии об Адаме и Еве".

Творческий подход Кирилла Транквиллиона к рассматриваемому сюжету выразился прежде всего в определении им места "Плача Адама" в структуре книги. "Евангелие учительное" (1619), содержащее, с одной стороны, нравоучительные "слова" на евангельские чтения, а с другой – проповеди в честь христианских святых и "на разные случаи", делится на две самостоятельные части, каждая со своей пагинацией[20]. Было бы естественно предположить, что писатель отнесет "Плач" к первой из них, где среди его поучений на евангельские тексты находится и проповедь на неделю сыропустную. Однако в последней он ограничивается лишь осуждением гневливцев и лицемеров, говорит о недопустимости держать зло на сердце, призывает достойно подготовиться к посту[21].

---

[20] Маслов С.И. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность / Опыт историко-литературной монографии. Киев, 1984. С. 87.

[21] Евангелие учительное албо казаня на неделя през рок и на праздники господские и нарочитым святым и угодником божиим съставлена трудолюбием иеромонаха Кирилла Транквилиона проповедника слова божьего его власным стараням коштом и накладом з друку на свет ново выдана з позволением старших в маетности ея милости княгине Вышневецкой Михайловой в Рахманове от созданию миру 7128, а от воплощения господня 1619 месяца новембра 9. Л. 31–36 об. (Далее ссылки на листы приводятся в тексте статьи).

К "Плачу Адама" Транквиллион-Ставровецкий обращается в "слове" под названием "В начале Нового лета", которым открывается вторая часть книги. Новогодняя проповедь – распространенный гомилетический жанр, имевший установочный характер и дававший возможность проповеднику высказать идеи, которые, по его мнению, следует воплотить в жизнь, хотя бы в наступающем году. Например, Епифаний Славинецкий, рассматривая в новогодней проповеди ("Благословиши день лета") категории добра и зла, стремится найти пути "пременения на лучшее" и отдельного человека и общества в целом. Таковыми он считает чтение священных книг ("пытание писания") и размышление о смерти[22].

Кирилл Транквиллион развивает в своем "слове" тему "человек и Бог". Последний бесконечно милосерден и расположен к человеку, которого он наградил великими благодеяниями. Это прежде всего видимый мир, "чудный и прекрасный дом", построенный зиждителем не себя ради, а для человека: "Тебе ради вся сия сотвори... Небо тя покрывает, солнце просвещает, и шествием своим венчает ныне круг лету, и обновляет год прохождением своим" (л. 5). Человек является властелином всего сущего.

Однако "паче всех даров видимых века сего" значителен дар невидимый, а именно вложенная в человека частица духа святого, его душа, "разумная,.. бессмертная, вечная, самовластная, всесветлая". Даровав человеку душу, бог как бы запечатлел в нем "образ своей славы" и приоткрыл ему путь к "пресветлому месту вышнего жилища" (л. 6). За все эти благодеяния человеку подобает, со своей стороны, прославлять Бога, благодарить его за "не-

---

[22] Проповеди Епифания Славинецкого. ГИМ. Синод. собр. № 597, Л. I2; л. I04-I06.

исповедимые дары", преклонять перед ним "колени сердца" своего, "неиступно пребывати в заповедях его", а также радоваться этим дарам - и "днес, в начале новего лета", и в течение всей жизни.

В последующих "словах", примыкающих непосредственно к новогодней проповеди, Кирилл Транквиллион рисует образы "угодников божиих", в которых как бы сконцентрированы лучшие черты человека, прежде всего его духовное начало: святые " в постех просиаша и въздержанием въжделение греха умертвиша, и подвизашася бдением, и молением, и небохвалением, выну день и нощь благодаряще бога о всех дарех его" (л. 12).

Иной пример взаимоотношений человека и Бога являет история Адама, которой в "Слове" посвящен специальный раздел ("О падению Адамове и о согрешении его яко преслушания ради отпаде райскаго житиа"). Автор подчеркивает, что "преслушание", наложившее печать божией клятвы на Адама, отразилось на всем человечестве, "на чадех Адамлих", которые до сих пор "все лежат в ответе ея и трепещут" (л. 7). Центральное место здесь занимает авторский вариант "Плача Адама" ("О плачу Адамове внегда плакася по изгнании вне рая седя").

Опираясь на "Триодь постную", Кирилл Транквиллион создает вполне самостоятельное произведение, где эмоциональность воздействия на слушателей создеется целиком средствами литературы, в отличие от церковной службы и духовного стиха, основанных на соединении слова и музыки. Это развернутое стройное произведение, с явными признаками ораторского жанра, а также следами агиографической стилистики. Самостоятельна композиция произведения. Если в тексте церковной службы в каждом из ее моментов обычно повторяются мотивы, намеченные вначале, то здесь - деление на части с собственной темой каждая.

"Плач" начинается вступлением от автора, знакомящего читателей с главным героем: обстановкой, его окружающей, занятиями, душевными переживаниями. Адаму приходится переносить "вар дневный и мраз нощный". Он копает землю, "тяжким потом обливаем многим". Писатель находит новые краски, рисуя психологическое состояние Адама, который "воздыхание испущаше из глубинны сердечной", "слезы непрестанно на ланиты точаше". Подчеркивается состояние тяжелого раздумья: Адам "непрестанно помышляше, яковой сладости лишися". Обращает на себя внимание вопросительная интонация первого предложения, сразу же вводящая читателя в действие и придающая динамичность изложению: "И что убо по изгнанию деаше Адам?" (л. 7 об.). Такова экспозиция, после которой следует монолог главного героя.

В монологе можно выделить следующие мотивы, дающие содержание самостоятельным разделам: обращение к прекрасному раю и воспоминание об утраченном блаженстве; жалобы на нынешние невзгоды; обвинение Евы. Кирилл Транквиллион придает изложению риторический характер, широко используя, в частности, восклицательные предложения с междометиями "о" и "увы": "О раю мой, прекрасный раю..."; "О коликих добротий твоих аз лишихся!"; "О, яко иногда аз внутр тебе седя, ... веселихся" (л. 7 об. в.п.); "О яко испо нявшемися ми чаша присно животная..." (л. 8 в.п.). Отметим, что в тексте церковной службы это междометие почти отсутствует.

Значительно плотнее, чем в последней, употреблено и междометие "увы", подчеркивающее как ораторскую форму монолога, так и его связь с книжным плачем: "Увы мне, пребогатый раю!" (л. 7 об. в.п.); "Увы мне, поругася мне твар..."; "Увы мне, неувядаемую славу погубих..."; "Увы мне, сих ради аггели божии поругашамися"; "Увы мне, яко погубих божие человеколюбие"; "Увы мне, вся

мя злаа сиа внезапу ныне постигоша", "Увы мне, о жено безумная" (л. 8 в.п.). О связи с книжным, в частности, житийным плачем свидетельствует и следующий фрагмент: "И коим плачем въсплачуся пръвее о сих, или кое рыдание възрыдаю, и кое сетование утолю, и в въздыхание не прииму, не ныне токмо, но и по сих" (л. 8 в.п.) Сравним, например, со "Сказанием о Борисе и Глебе": "Сьрдьце ми горить, душа ми съмысл съмущаеть. и не вьмь къ кому обратитися и к кому сию горькую печаль простерти?"[23]

Новые краски получает характеристика рая. Это сияющее, лучезарное пространство, доставляющее его обитателям неизъяснимое наслаждение, что подчеркнуто многократным повторением слов "свет" и "сладость", а также производных от них. Рай - "пресветлое видение", "световидная красота", "пресветлая красота", "сладкая красота", "доброты сладость". Великолепие рая передается с помощью зрительных, слуховых, обонятельных образов. Адам вспоминает: "Насыщахуся очи мои света сладкаго", "наслаждашемися душа пения сладкаго аггельскаго". Кирилл Транквиллион развивает при этом растительные образы "Триоди постной": сад не только шумит листьями, но также источает ароматы: "веселяхся от ухания цветов твоих" (л. 8 в.п.). В характеристику рая удачно вплетаются прилагательные в превосходной степени. Рай - "пребогатый", "предобрейший", "пресветлый", "любезнейший".

С райским блаженством контрастирует земная жизнь Адама. Антитеза намечена уже в первой части, где к известным словам, что рай насажден ради Адама, а из=за Евы затворен, добавлено "заградися страшным пламенным оружием". Во второй части подчеркнуто, что Адам, пребывавший ранее в постоянном веселии , теперь сидит

---

[23] Начало русской литературы. XI-начало XП века // Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. С. 280.

"смутный", сетующий, воздыхающий, проливающий "реки слезные", "слезные потоки". Его "вся злая... постигоша", уязвляет "неутишимая болезнь". Он испытывает "скотов непреклонное сверепство", взирает на "непотребное былие".

В варианте Кирилла Транквиллиона значительно усилена роль Евы. Если в церковной службе последняя только упоминается, то здесь получает развернутую характеристику. Обращение к ней Адама звучит как обвинительная речь, начало которой исполнено риторического пафоса и украшено книжными метафорами: "О жено прелестная! Ты бо мне недозрелое бесмертие пожала серпом лукавства змиина, ты мою власт царскую на рабство преложи! Почто венчанного устроила еси просителя и очи мои тебе ради погубиша свет" (л. 8 в.п.).

По словам Адама, Ева ("жена безумная" и "бездельная") прельстила его "советом лукавым и пагубным", "вся злая ходатайствовала". Адам гонит от себя соблазнительницу: "Отиди от мене,.. не требую совета твоего,.. промышление мое от тебе отселе,.. рыдание мое и въздыхание зрю, а не твое лицо,.. несть бо ми о тебе пещися". Со злорадством говорит Адам об ожидающих Еву родовых муках: "Егда же родиши в печалех чада, и отрод восхощет происходити от твоего чрева, тогда помянеши праведный суд творца твоего".

Примечательны слова, завершающие обличение Евы: "Сиа и сим подобная Адам к супружницы в горести душе глаголаше" (л. 8 об. в.п.). Автор как бы подчеркивает, что он не идет дословно за источником, а использует свое право на вымысел. Изяществу архитектоники служит заключительное предложение, близкое лексически к вступительному ("Плакашеся Адам в вся дни живота своего пред лицем божиим") и как бы подводящее итог всему сказанному. Вмес-

те эти предложения составляют своеобразное обрамление в ораторском "слове"-плаче Кирилла Транквиллиона.

Интерпретация проблемы "человек и Бог" применительно к Адаму в новогоднем "слове" Кирилла Транквиллиона не сводится, однако, лишь к осуждению грешника. Судьба Адама дает возможность еще раз показать Бога милостивого, который протягивает руку искренне кающемуся. "Сего ради воздавай ему прилежно хваление, благодарение и поклонение смиренною душею о неисповедимых его дарех", наставляет автор и каждого из своих читателей и "упадлый человеческий род" в целом (л. 9).

"О плачу Адамове" Кирилла Транквиллиона оказало непосредственное влияние на аналогичное произведение в книге "Статир", написанной в 1684 г. не известным по имени автором. Из кратких биографических заметок, приведенных в предисловии, явствует, что последний был приходским священником церкви Богородицы в городке Орле Пермской епархии. Строителем церкви и ее покровителем был Григорий Строганов, именитый человек царя Алексея Михайловича, один из богатейших людей Московского государства, к тому же, по характеристике писателя, - "всякому любомудрию учитель". Строганов симпатизировал автору "Статира" и приветствовал его литературные занятия.

"Статир" представляет собой сборник поучений воскресных и праздничных, числом 156[24]. Автор признается, что он "велми приседех" "Евангелию учительному" и переписал из него в свое произведение "доволную часть": "редкое слово без его речей минуло". Книга полюбилась, подчеркивает сочинитель, "за сладость речений",

---

[24] ГБЛ. Ф. 256 (Румянцев). № 411 (Далее ссылки на листы приводятся в тексте).

которая "зело приличествовала" и собственному его "сложению" (л. 5-6). Сверка текста показывает, что таких заимствований в "Статире" более двухсот[25]. У писателя, однако, не было стремления присвоить себе "чюжой труд", - "в чюжем разуме себе разумная явити". К своему источнику он подошел достаточно творчески[26]. Определенная самостоятельность проявилась и в обращении к "Плачу Адама".

Из "Евангелия учительного" автор "Статира" перенес в свой вариант как отдельные предложения, так и целые абзацы, хотя в данном случае делает это не дословно. Например, если у Кирилла Транквиллиона описание райского блаженства дано как воспоминание о нем ("... яко наслаждашемися душа пения сладкаго аггельскаго в тебе, и яко насыщахуся очи мои света сладкаго, пресветлого красоты твоея", л. 8 в.п.), то в "Статире" это констатация сегодняшних испытаний: "Уже ныне не наслаждается душа моя сладкаго пения аггелскаго, и уже не насыщаются очи мои света присно сиялнаго" (л. 428 об.). К тому же лексика здесь упрощена.

Придерживаясь близко текста, автор "Статира" в ряде случаев сокращает его. Например, опущены натуралистические подробности в предсказании будущей судьбы Евы. Иногда, напротив, текст распространяется. Так, к заключительным словам о том, что "сия и сим подобная Адам в горести души своей к супружнице глаголаше", добавлено: "Якоже писание повествует". Усилен морализаторский эле-

---

[25] Алексеев П.Т. "Статир": (Описание анонимной рукописи ХУП века) // Археографический ежегодник за 1964 год / Под ред. акад. М.Н.Тихомирова. М., 1965. С. 95-96.

[26] См. подробнее: Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе ХУП в. М., 1990. С. 173 и след.

мент. Если Кирилл Транквиллион ограничился сообщением о страданиях Адама, который "на всяк день уязвляшеся сердцем, и жалением, и неутешимою болезнию" (л. 8 об. в.п.), то автор "Статира" завершает рассказ нравоучительной сентенцией: "Адам рыдал вся дни живота своего, пред лицем божиим, за преступление свое и за лишение рая" (л. 429 об.).

Однако позиция автора "Статира" в подходе к источнику выявляется не столько в стилистической правке, сколько в ином осмыслении памятника, что определило, в частности, место "Плача" в структуре сборника. В отличие от Кирилла Транквиллиона, пермский проповедник стремится решить конкретную задачу, а именно обличить чревоугодников и призвать к воздержанию. Подобная цель делает обоснованным включение "Плача" в "слово" на сыропустную неделю, то есть туда, где ему и положено быть по церковному календарному циклу.

"Поучению в неделю сыропустную" начинается призывом сохранить "тело... чисто от скверны, чрево от объядения, руце от лихоимания, язык от празности глагол" (л. 423). С занимательными подробностями рассказывается далее, как Адам и "язычливая" (болтливая) Ева "съяли" яблоко и своим "невоздержанием и заповеди преступлением" лишились рая. Завершается проповедь обличением обжор и пьяниц, которые "не истребляются от брашен и пиянства", пребывают "чрез всю нощь до самаго света во объядении и пиянстве.., от дома к дому преходящи, якобы хотящи наполнити чрево сладких брашен... по подобию сему: ядим и пием, утре умрем" (л. 431).

Известная приземленность присуща и "Плачу Адама", где главный герой выступает как бы ее олицетворением. В сетованиях изгнанника значительно сильнее, чем у Кирилла Транквиллиона и в

церковной службе звучит мотив "сладкой пищи", украшавшей жизнь в раю и утраченной ныне. "Не бысть мне тамо ни глад, ни зной.., – вспоминает Адам. – Бяше мне тамо пищи доволство.., и питий сладких множество". Адам, живший "кроме всякой скудости", имел "величайшее в плоти сдравие".У него "на всем телеси" и "во всех чювствах" не было никакой "скорби". Тело его не боялось "внешнего повреждения". Мотив телесного здоровья как приметы райской жизни является творческой находкой анонимного писателя, который, несмотря на обличительные и морализаторские сентенции, наполняет рай вкусной едой и разнообразным питием, насыщающих здоровое человеческое тело.

Имеются некоторые отличия от варианта Кирилла Транквиллиона и со стороны формы. Так, "Плач Адама" в "Статире" лишен явных признаков ораторского жанра. Например, располагая материал в основном вслед за "Евангелием учительным", автор отказывается от строгого деления на части. Как в церковной службе (хотя и в меньшей степени), наблюдается известная повторяемость мотивов. Отсутствуют также необходимые для "слова" вступление и заключение. "Плач" начинается сразу с монолога Адама, а в конце текст как бы обрывается.

Вместе с тем автор "Статира" усиливает демократическое начало своего образца, заложенное в последнем, благодаря близости к жанру причитаний. К демократическим способам выражения относится, например, использование раешного стиха: "Аз же землю копаю, и тщетный труд полагаю, потом тяжким обливаюся, от вара солнца згараю, и мраз нощи претепеваю, от дожда и ветра растлеваюся" (л. 428). Как строки из народной песни звучат основанные на антитезе предложения с союзом "да": "Бяше мне тамо пищи доволство, да не гладствую, и питий сладких множество, да не жажду.., и уто-

лю алкоту мою, да не погибну гладом" (л. 42б). Можно отметить наличие слов из разговорной лексики: "не чаю", "умильный" (вместо "умиленный" у Транквиллиона) и др. В целом же, несмотря на некоторые отличия, автор "Статира" придерживается преимущественно своего образца.

Если рассмотренные произведения были связаны с древнерусской культурой, то "Жалобная комедия об Адаме и Еве" знакомила с зарубежной традицией. Сыгранная в 1675 г. на придворной сцене царя Алексея Михайловича[27], она испытала на себе влияние драмы голландского драматурга Иоста ван ден Вонделя, хотя и не является прямой ее переделкой[28]. По предположению П.О.Морозова, представление состоялось на сыропустной неделе[29]. Автор пьесы неизвестен, им мог быть как Стефан Чижинский, так и пастор Грегори[30].

В произведении, близком к средневековым мистериям и моралите, действие развертывается вокруг главного события первой библейской книги - искушения змием Адама и Евы, за которым в пьесе следует суд над ослушниками со стороны аллегорических персонажей. Сетования Адама об утерянном рае помещены в тексте непосредственно после эпизода грехопадения, а монологу Адама предшествует выразительная мизансцена ("Адам стоит на коленях во ином одеянии"). Эти композиционные приемы подчеркивают крайнее волнение героев.

---

[27] История русской литературы (в 10 томах). Т. II, ч. 2. М.; Л., 1948. С. 371.

[28] Державина О.А. Русский театр 70-90-х годов XVII в. и начала XVIII в. // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Ранняя русская драматургия (XVII-первая половина XVIII в.). М., 1972. С. 29-30.

[29] Морозов П.О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 150.

[30] Державина О.А. Там же. С. 31.

Несмотря на усложненность и некоторую неуклюжесть стиля, монолог тяготеет к форме плача, о чем свидетельствуют возгласы Адама: "Ох, куды же поити?... Ей, истинно злый мой конец будет... Ныне разумь мой весма помрачен... О страст, о боязнь, о трепет! О како сердце мое в тяжести пребывает! О тоска, о отчаяние, о страсти, яже мя попирают! Ох!ох!.." В сжатом изложении звучат те же мотивы, что и в рассмотренных выше произведениях. Например, противопоставляются жизнь Адама до падения и теперешнее его положение: "Прежде обыкова окресть безчисленных полков ангель, но ныне вся от меня отступиста; зверие такожде ко мне во множестве числе совокупистася, но ныне вся от меня убегають; солнце, луна и звезды воззирают на мя зело печалными образы, и земля не хощет ми вящше носити". Адам трепещет и страшится "нищетной земли", которая ждет его за пределами рая. Со словами обличения он обращается к Еве[32].

Обращает на себя внимание "песнь", которая в пьесе, целиком написанной прозой, следует за монологом Адама:

Чрез адамово падение вси
Вси роды погублены,
Зане тот яд на нас прииде,
И уже не можем жити без
Божией руки силней //
Яже нас выручила:
Егда Змия Евву звела,
Казнь на нас всех навела[33].

---

[32] Русская драматургия последней четверти ХУП и начала ХУШ в. // Ранняя русская драматургия (ХУП–первая половина ХУШ в.). М., 1972. С. 126.

[33] Там же. С. 126.

И покаянный тон и заунывная напевность напоминают здесь духовный стих, получивший к этому времени широкое устное распространение. Сравним, например, с записью в рукописи XVII в.:

Увы, увы-и
Мне грешну,
Увы, увы-и
Беззаконну!
Согреших, Господи,
Согреших и беззаконовах!"[34]

Не делая окончательных выводов, можно, думается, высказать предположение о знакомстве автора "Жалобной комедии об Адаме и Еве" с устным народным стихом "Плач Адама".

Таковы некоторые наблюдения над историей бытования сюжета, художественно обогатившего ряд произведений древнерусской литературы.

---

[34] Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П.Бессонова. Ч. 2, вып. 6. М., 1864. С. 236.